

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
К38

Greg Keys
THE CHARNEL PRINCE

Copyright © 2004 by J. Gregory Keyes

Иллюстрация на обложке *гад блесс ми*
Карты *7Narwen*
Дизайн *Е. Куликовой*

Киз, Грег.
К38 Мертвый принц / Грег Киз ; [перевод с английского В. Гольдича, И. Оганесовой]. — Москва : Эксмо, 2024. — 576 с.

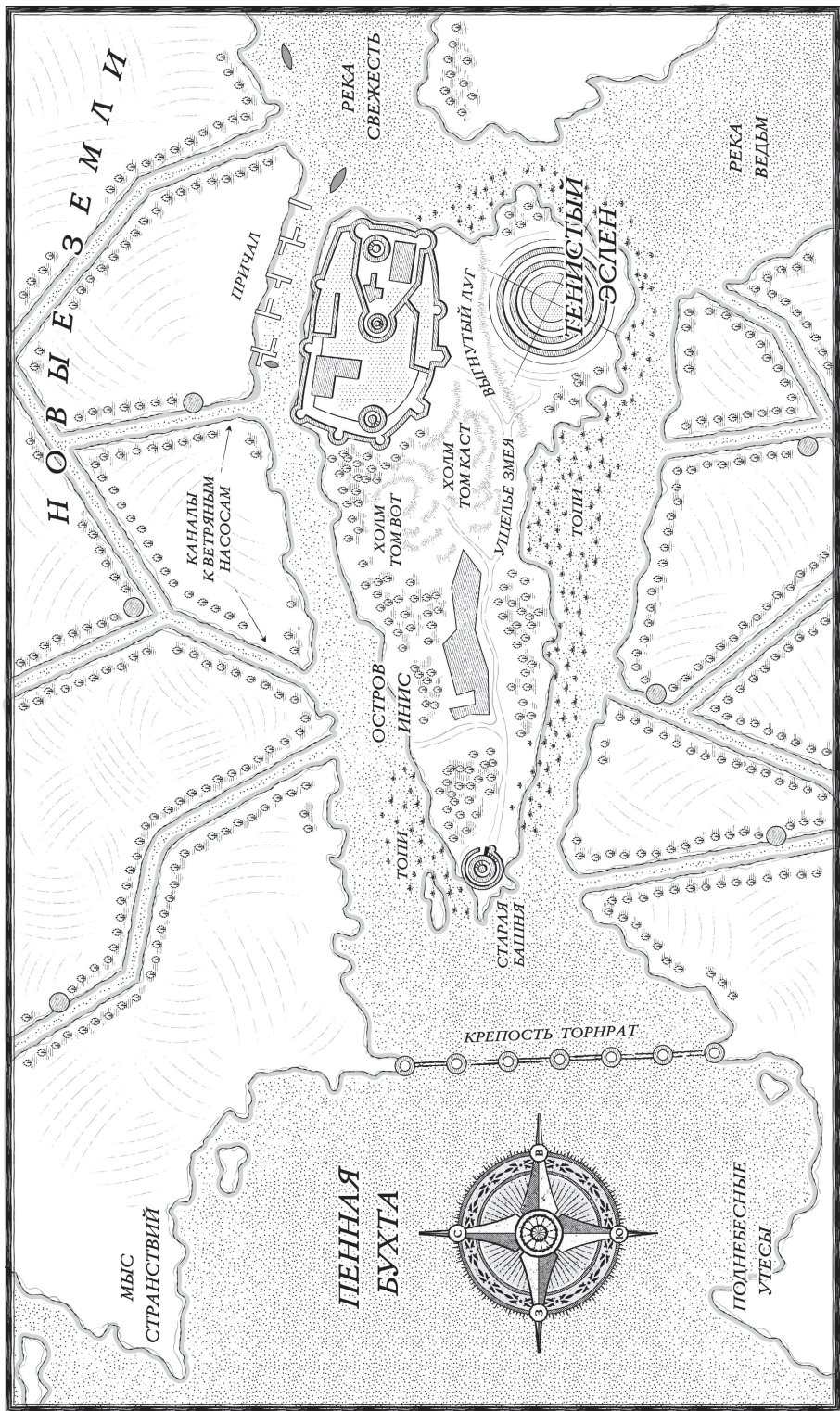
ISBN 978-5-04-203647-7

Страшные времена настали — многие верят, что грядет конец света. Луна окрасилась кровью, и протрубил рог, который слышали во всех землях. Легендарный Терновый король пробудился в лесной чаще, чудовища служат ему, а колючие лозы вьются у ног его. Почти вся королевская семья убита, зловещие жертвоприношения совершаются в лесах... И самое страшное — нарушен закон смерти: тот, кто умер, должен оставаться мертвым.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-203647-7

© В. Гольдич, И. Оганесова, перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Н О В Ы Е
З Е М Л И

РЕКА
СВЕЖЕСТЬ

РЕКА
ВЕДЬМ

ПРИЧАЛ

КАНАЛЫ
К ВЕТРЯНЫМ
НАСОСАМ

ХОЛМ
ТОМ ВОТ

ТОМ КАСТ

УЩЕЛЬЕ
ЗМЕЯ

ГЕНИЙСКИЙ
ЭСЛЕН

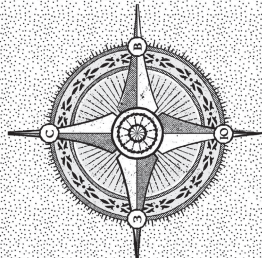
ТОПИ

ОСТРОВ
ИНИС

ТОПИ

СТАРАЯ
БАШНЯ

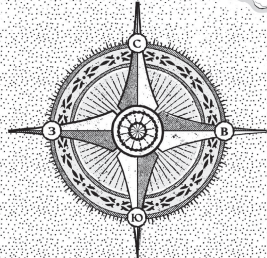
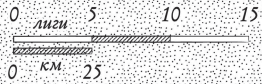
КРЕПЬСТЬ
ТОРНРАТ

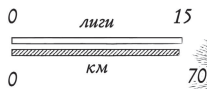

МЫС
СТРАНСТВИЙ

ПЕННАЯ
БУХТА

ПОДНЕБЕСНЫЕ
УТЕСЫ

Посвящается Элизабет Вега

Пролог

Nad laybyd hw loygwn eyl
Nhag Heybeywr, ayg nhoygwr niwoyd

Лес разговаривает на многих языках.
Слушай внимательно, но никогда не отвечай.

*Пословица племени Ньюд ни Вад, которую часто повторяют детям
в качестве предупреждения*

— Я слышу шум, — прошептал Мартин, натянув поводья своего серого в яблоках коня. — Какой-то неестественный звук...

Пронзительно-голубые глаза монаха, казалось, пытались пробуравить толстые стволы дубов и скалистые холмы Королевского леса. По тому, как он расправил плечи под кроваво-красной рясой, Эхок видел, что все его мышцы напряжены.

— Еще бы! — весело отозвался сэра Онье. — Этот лес чешет языком, точно обезумевшая от любви красотка.

Однако, несмотря на легкомысленность тона, когда сэра Онье повернулся к Эхоку, взгляд черных глаз старого рыцаря был серьезен. Лицо его — треугольное, с мягкими чертами и лучиками морщинок, прорезавшимися к пятидесяти годам в уголках его смешливых глаз, — неизменно вызывало у Эхока удивление, поскольку не слишком-то подходило человеку, заслужившему репутацию свирепого воина.

— А ты что скажешь, приятель? — спросил Онье.

— Как я мог заметить, — начал Эхок, — от ушей брата Мартина не укроется и вздох змеи за холмом. Мой же слух

не отличается такой остротой, и, если верить ему, сейчас в лесу очень тихо. Но должен сказать, сэр, что как раз это-то и странно. Даже птицы умолкли.

— Во имя яиц святого Рустера, — фыркнул Онье, — о чем ты? Какая-то пичуга так голосит, что я не слышу собственного голоса!

— Да, сэр, — ответил Эхок. — Но это этечакичук, а они...

— Говори на королевском языке, парень, или на алманнийском! — рявкнул угрюмый мужчина, одетый в такую же рясу, что и Мартин. — Нечего трещать на своем варварском наречии.

Его звали Гаврел, и он был одним из пяти монахов, путешествующих с отрядом. Лицо его было сморщенным и потемневшим, будто его вырезали из яблока и оставили сохнуть. Эхоку он не слишком нравился.

— Сами следите за своим языком, брат Гаврел, — добродушно пожурил монаха сэр Онье. — Это ведь я разговариваю с нашим юным проводником, а не вы.

Гаврел мрачно сощурился, но счел за лучшее не препираться с рыцарем.

— Так что ты там говорил про птиц, Эхок? — спросил сэр Онье.

— Кажется, вы называете их черными дятлами. Они вообще ничего не боятся.

— Понятно. — Онье нахмурился. — Тогда давайте помолчим, пусть брат Мартин хорошенько прислушается.

Эхок послушно умолк и тоже напряг слух. Однако лес и впрямь был как никогда молчалив, и эта тишина пугала, сжимая сердце ледяной рукой страха. Это было так странно...

Но ведь и времена стояли странные. Не прошло и двух недель с той ночи, когда лунный серп окрасился багрянцем, что было воистину зловещим предзнаменованием, и ветер принес пение диковинного рога. И рог этот услышали не только в деревне Эхока, но и повсюду. Старые предсказательницы принялись твердить о скором конце света, и все привычнее становились слухи о страшных чудовищах, которые бродят по Королевскому лесу, убивая всех на своем пути.

А потом с запада пришли эти люди, рыцарь церкви в роскошных доспехах и пять воинов-монахов ордена Святого Мамреса. Они появились в деревне четыре дня назад и попросили дать им местного проводника. Старейшины выбрали Эхока, и неспроста. Хотя ему только-только исполнилось семнадцать, Эхок был превосходным охотником и следопытом, в этих делах среди односельчан ему не было равных. Их деревня стояла у подножия Заячьих гор, и путешественники редко забирались в такую глушь. Поэтому Эхок с радостью согласился стать проводником для пришедших монахов — когда еще выпадет возможность разузнать, что творится в далеких землях.

И надежды его оправдались. Сэр Онье де Лойнгвель с удовольствием повествовал о своих приключениях. Где он только не бывал! Монахи же все больше помалкивали и немного пугали Эхока — все, кроме Гаврела, который тоже его пугал, но редко помалкивал, и Мартина. Последний был человеком добрым — на свой грубоватый манер. Он не любил распространяться о себе, но когда из него все же удавалось вытянуть несколько скупых фраз о его жизни и обучении, это всегда было интересно.

Однако один вопрос Эхока так и остался без ответа: что ищут эти люди? Порой ему казалось, что они и сами этого не знают.

Сэр Онье снял шлем и засунул под мышку. Заблудившийся луч солнца заиграл на стальном нагруднике, когда рыцарь наклонился, чтобы успокаивающе похлопать по шее лошадь. Затем он вновь серьезно посмотрел на Мартина.

— Ну как, брат? Что нашептали тебе святые?

— Думаю, святые тут ни при чем, — ответил монах. — Я слышу шорох, много людей идет по траве, но они пыхтят, как собаки. И издают необычные звуки. — Он повернулся к Эхоку. — Кто живет в этих краях?

Юноша задумался.

— В холмах есть деревни племени Дат аг Пэй. Самая ближняя — Агдон, по ту сторону этой долины.

— Это воинственное племя? — спросил Мартин.

— Да нет, вообще-то. Тамошние жители — земледельцы и охотники, как и мои односельчане.

— А звуки приближаются? — спросил сэр Онье.

— Нет, — ответил Мартин.

— Хорошо. В таком случае заедем в деревню и спросим местных жителей.

— Да, смотреть тут не на что, — заметил сэр Онье, когда они добрались до Агдона.

Времени на дорогу ушло немного, вдвое меньше, чем промежутки, который отмеряет колокол.

На взгляд Эхока, Агдон не слишком отличался от его родной деревни — несколько деревянных домиков, сгрудившихся вокруг площади, да длинное, поднятое на столбах здание, где жил староста.

Единственное различие заключалось в том, что в его родной деревне кипела жизнь: люди спешили по своим делам, в дорожной пыли копошились куры, ворочались свиньи. Агдон же оказался пустым, как обещание сефри.

— А где все? — спросил сэр Онье. — Эй! Есть тут кто-нибудь?

Ответом ему была гнетущая тишина.

— Взгляните сюда, — позвал Мартин. — Они пытались построить укрепления.

Эхок увидел частокол из свежесрубленных молодых деревьев, рядом лежали еще колья, которые почему-то так и не пошли в дело.

— Держите ухо востро, ребята, — тихо проговорил сэр Онье. — Давайте посмотрим, что случилось с жителями деревни.

Но они ничего не нашли. Ни тел, ни следов драки. Эхок наткнулся на медный чайник с обожженным дном. Его оставили на костре без присмотра, и вода выкипела.

— Такое впечатление, будто они все разом взяли и ушли, — сказал он Мартину.

— Угу, — проворчал монах. — И очень спешили, раз ничего не прихватили с собой.

— Они чего-то испугались, — добавил Эхок. — Венки из омелы на дверях — это чтобы отворотить зло.

— Да и этот недостроенный частокол к тому же... — проговорил сэр Онье. — Прайфек был прав. Здесь творится что-то неладное. Сначала сефри ушли из леса, а теперь и селяне. — Он покачал головой. — По коням! Мы едем дальше. Боюсь, наша миссия стала еще более спешной.

Они покинули Агдон, галопом пересекли плоскогорье, оставив позади могучие железные дубы, и въехали в заросли орешника, амбровых деревьев и витаэков.

Все та же пугающая тишина царила вокруг, и лошади явно нервничали. Брат Мартин едва заметно хмурился.

— Давай сюда, приятель, — обернувшись, позвал Эхока сэр Онье.

Юноша послушно пришпорил свою кобылку мышастой масти и догнал рыцаря.

— Что, сэр Онье?

— Хочешь дослушать историю до конца?

— Да, сэр, конечно!

— Итак, мы остановились на том, как я плыл на борту корабля?

— Да, сэр. На «Печальной вести».

— Точно. Мы только что прорвали блокаду у Рейскеля и разметали в щепки то, что оставалось от флота жакиенских пиратов. Наш корабль был сильно потрепан в боях, как, впрочем, и многие другие суда, так что в Рейскеле собралась целая очередь на ремонт. Погода стояла прекрасная, и мы решили, что сумеем добраться до Копенвиса, где в сухих доках обычно стоит поменьше кораблей. — Он покачал головой. — Но удача отвернулась от нас, и туда мы не попали. Начался шторм, и только благодаря заступничеству святого Лира мы оказались возле никому не известного маленького островка, где-то неподалеку от островов Печали. Мы доплыли до берега на лодке и принесли благодарственные молитвы и подношения святому Лиру и святому Вриенту, а затем отправили разведчиков на поиски местных жителей.

— Вы нашли кого-нибудь?

— В некотором смысле. Половина пиратского флота разбилась лагерь на подветренной стороне острова.

— О, значит, вы попали в беду!

— Да уж. Нашему кораблю крепко досталось, и уплыть мы не могли. Спрятать его не представлялось возможным. Нас довольно скоро обнаружили.

— И что вы сделали?

— Я отправился в лагерь пиратов и вызвал их главаря на дуэль чести.

— Неужели он принял вызов?

— Ему пришлось. Пиратские капитаны не могут позволить себе выглядеть слабаками в глазах приспешников, иначе за ними никто не пойдет. Если бы он отказался, на следующий день ему бы пришлось драться с десятью претендентами на звание вожака шайки. А я раз и навсегда освободил его от этих забот, прикончив негодяя.

— И что было потом?

— Я бросил вызов его первому помощнику. А затем следуюшему по старшинству, и так далее.

— И всех убили? — ухмыльнувшись, спросил Эхок.

— Нет. Пока я с ними сражался, мои люди захватили один из их кораблей и уплыли.

— Без вас?

— Да. Я им приказал.

— И что дальше?

— Когда пираты обнаружили, что случилось, они, разумеется, взяли меня в плен, и дуэли прекратились. Но я сумел их убедить в том, что церковь заплатит за меня выкуп, и потому они вполне прилично со мной обращались.

— А церковь заплатила?

— Может, и заплатила бы — только я не стал это выяснять. При первой же возможности я сбежал.

— Расскажите! — взмолился Эхок. Рыцарь кивнул:

— Всеу свое время, дружок. Теперь твоя очередь. Ты здесь вырос. Старейшины твоей деревни наверняка толкуют про греффинов, мантикор и прочих диковинных чудовищ, объявившихся вдруг повсюду после тысячелетне-

го отсутствия. Что ты сам об этом думаешь, Эхок? Ты им веришь?

Прежде чем ответить, Эхок взвесил каждое слово.

— Я встречал необычные следы, а порой до меня долетали странные запахи. Мой кузен Оуэл видел зверя, похожего на льва, но с головой орла и чешуей по всему телу. Оуэл никогда не врет, к тому же он не робкого десятка и не из тех, кому чудится всякая небывальщина.

— Значит, ты веришь в эти истории?

— Угу.

— А откуда пришли чудовища?

— Говорят, они спали... ну как медведи спят всю зиму в берлоге, а цикады — семнадцать лет под землей, прежде чем вылезти на поверхность.

— А как ты думаешь, почему они сейчас проснулись?

Эхок снова помедлил, подбирая слова.

— Смелее, парень, — мягко подбодрил его рыцарь. — Я знаю, ваши старейшины не очень-то распространяются об этом, должно быть, опасаются, что их назовут еретиками. Если ты тоже боишься этого, можешь быть со мной откровенен. Нас окружают таинственные деяния святых, и без наставлений церкви людей иногда посещают странные мысли. Но ты здесь живешь и знаешь то, чего не знаю я. Всякие там истории, старинные баллады...

— Да уж, — с несчастным видом подтвердил Эхок и покосился на Гаврела, спрашивая себя, не обладает ли и тот более тонким слухом, чем обычный человек.

Сэр Онье заметил его взгляд.

— Этой экспедицией руковожу я, — сказал он все так же тихо. — Даю слово рыцаря, что тебе ничто не грозит. Итак, что говорят старухи в деревнях? Отчего в лесных дебрях стала шнырять нечисть?

— Они говорят, это все Эттороум, Король Лишайников, — нехотя ответил Эхок. — Он проснулся, когда взошла кровавая луна. Это было предсказано в старых пророчествах. А жуткие твари — его слуги.

— Расскажи мне про Короля Лишайников.

— Ну... это всего лишь старые сказки, сэра Онье.

— Все равно Расскажи. Прошу тебя.

— Говорят, с виду он похож на человека, но сотворен из того, что растет в лесу. А еще у него рога, как у лося. — Эхок открыто взглянул рыцарю в глаза. — И будто бы он жил здесь еще до святых, вообще до чего бы то ни было, когда весь мир был одним бескрайним лесом.

Сэр Онье кивнул, как если бы рассказ Эхока подтвердил то, что ему и так было известно.

— А отчего он пробудился? — спросил рыцарь. — И что будет делать? Что об этом говорится в пророчествах?

— Этот лес принадлежит ему, — ответил Эхок. — И только ему самому известно, что он станет делать. Но, говорят, когда Эттороум проснется, лес обратится против тех, кто причинял ему вред. — Он отвернулся и посмотрел в сторону. — Вот почему ушли сефри. Они боятся, что он нас всех убьет.

— А ты боишься?

— Не знаю. Только...

Он замолчал, не зная, как выразить свою догадку.

— Продолжай.

— У меня был дядя. Он вдруг заболел. С виду он казался вполне здоровым — ни болячек, ни открытых ран, ни даже лихорадки, — но шли месяцы, а он все слабел и слабел, глаза у него стали тусклыми, кожа побледнела. Он умирал очень медленно, и только в самом конце мы поняли, что он от нас уходит. Почувствовали запах смерти.

— Прими мои соболезнования.

Эхок пожал плечами.

— Лес... Мне кажется, он умирает точно так же.

— С чего ты взял?

— Я чувствую запах.

— Понятно.

Несколько минут, пока рыцарь обдумывал услышанное, они ехали молча.

— А этот Король Лишайников, — наконец произнес сэра Онье, — ты когда-нибудь слышал, чтобы его называли Терновым королем?